39.

нашарила серники, зажгла огонь.

— Ты поскорей стряпайся. — торопил жену взлохмаченный Петро, закуривая и кашляя.

— Наташку-то нечего будить, спит бессовестная. Што-ж я разорвуся на двое должна. — бурчала заспанная, сердитая спросонок Дарья.

— Поди разбуди. — посоветовал Петро.

Наталья встала сама. Накинув кофту, вышла в катух за кизеками.

— Подшибок принеси! — командовала старшая сноха.

— Дуняшку пошли за водой, слышь, Дашка? — передвигая по кухне ноги хрипела Ильинишна.

В кухне пахло свежими хмелинами, ременной сбруей, теплом человеческих тел. Дарья, задрав подол, грохотала чугунами, и под рубахой с засученными по локоть рукавами трепыхались маленькие груди. Замужняя жизнь не изменила, не высушила Дарью. Как красноталовая хворостина, тонкая, гибкая в стану, была она похожа на девушку. Вилась в походке, играла плечами, на окрики мужа посмеивалась и под тонкой каймой злых губ поблескивали мелкие частые зубы.

— С вечеру надо было кизеков наложить. Они-б в печи подсохли. — недовольно бурчала Ильинишна.

— Забыли, маманя. Наша беда. — за всех отвечала Дарья.

Пока отстряпались — рассвело. Пантелей Прокофьевич, обжигаясь жидкой кашей, спешил дозавтракать. Григорий хмурой медленно жевал, глядя по задкам. Петро потешался, передразнивая незаметно для отца завязавшую от флюса щеку Дуняшку.

По хутору скрипом полозьев саней. В серой рассветной мгле двигались к Дону бычачьи подводы. Григорий с Петром вышли запрягать. На ходу заматывая мягкий шарф — невестин подарок, — Григорий глотал морозный и сухой воздух. Тонкозвучно курлыча пролетал над двором ворон. Отчетливо в морозной стыни слышен шелест медлительных взмахов крыльев. Петро проследил за полетом его, сказал:

— К теплу. На юг правится.

За розовеющим, веселым, как улыбка, девичьим облачком, маячил в небе тоненький-тоненький краюшек месяца. Из трубы дыбом вставал дым и безрукий тянулся к недоступному далекому, золотому, отточенному лезвию молодого месяца.